

Эхо невозможного

фонари проспекта

с двумя головами:

одна нависает над второй, как самец гадюки над самкой,

а люди внизу проходят сквозь

прозрачные мясорубки времени мельчайшие,

не замечают, как их крошат на морщины,

на пыль и седение.

тощие скукоженные ангелы старости

наполнены слабоумием, как розовым сиянием.

это – чувство угля, который швыряют в топку,

а там кубический джинн огня
брыкается сотнями ног в чугунной колбе.
«бесссссмертие» –
если произнесешь вслух сто раз подряд,
услышишь
шум далекого прибоя.
это вечность бьется о берега
несуществующего моря головой,
как рыжий веснушчатый Наполеон в дурдоме.
это – эхо невозможного. желание золотой пробки
создать нечто сложное и прекрасное.
живую рыбку.
наградить сознанием, вместилищем эмоций,
чтобы понял однажды – ты умрешь. исчезнешь. но – о чудо!
слепой котенок в ведре с водой не тонет,
он научился дышать под смертью.
вот-вот откроются его глаза.
но как же выбраться из ведра
Вселенной?
и длится осознание.
беснуется штрихованный дождь за окном.
неужели. неужели. неужели.

Самурай

эта женщина –
лакированная змея
в черном обтягивающем платье,
сбросила мускулистого офицера с края доски –
прямо на синтетический ковер.
впилась ногтями в грудь. черт, черт.
эта женщина – как лезвие без рукояти
в своих обморочных платьях...

режет глаза и руки, как ни держи ее.
ты особая, райское яблоко, уже начавшее гнить,
темнеть. курага сосков,
аромат рыбок, стянула трусики,
а я точно кот возле аквариума.
и спустя половину ночи
голый, изможденный я
выхожу на зимний двор,
а она уже спит. на заднем плане картины
пускает винные пузырьки в потолок
роза, накрытая марлей, рот – тлей,
и я смотрю
на флаг в соседнем дворе – в морозном ночном воздухе
тяжело, плавно застыл, как холодец.
как медуза, выброшенная на черный берег,
раскрашенная пульверизаторами в желто-голубой.
но где моя родина?
она – это небо,
эта женщина в спальне.
и вспыхивает озарение, как молния, как зубная боль,
понимание всей жизни –
мгновенный денежный перевод смысла
из точки А в точку Б.
и я, показавшись зимней вселенной во всей красе
подтянутого сорокалетнего кентавра,
возвращаюсь к ней в постель –
холодный, дрожащий, как насос
в трюме тонущего корабля.
таю. ледник. горячая кожа. бархатный жар.
списпи.
обнимаю лезвие...

***

зимний день светился изнутри:
сом, проглотивший фонарик.
мягко вечерело, замерзший снег цеплялся за кусты,
как белая птица с белыми когтями.
и праздничное нечто царило повсюду:
кофейни, дома, прохожие, машины,
город облили сказочностью,
осыпали блестками, конфетти,
и даже наивная пошлость праздничных витрин
и новогодних реклам умиляла – дочь мачехи,
которая ничего не добьется в этой сказке,
и ее немного жаль.

на столике-таксе осколки шоколада –
ты выела весь миндаль, как белка.
возле кровати вязанки книг.
мы недавно переехали
на съемную квартиру. и зима, и сом со свечой,
этот образ пришел, когда ты прикуривала у окна,
отразившись в стекле, как свет сварки в пещере,
где волы, и волхвы,
и зеленый младенец мужского пола,
цветок алоэ,
которого ты мне не родишь через год,
и сказочно, и страшно, и хорошо.

а где-то рядом война,
и другие бессонные демоны бытия
шатаются,
как разбуженные гризли посреди зимы,
но нам на это наплевать, нам все равно.
тот день, когда мы разожмемся, как челюсти питбуля

на подвешенной автомобильной шине – на фоне заката,
тот день, когда
жидкокристаллический
терминатор пройдет сквозь свою самку,
перемешавшись мирами,
ртутными головастиками, единицами и нулями.
и теперь мы сможем только отдаляться друг от друга,
так галактика проходит сквозь галактику,
как нож сквозь нож.
не оглянуться, не сломать шею,
и это – благодарность, благоденствие.

прошлое – мальчик, рухнувший вместе с балконом
с девятого этажа,
без шансов на спасение,
на общее будущее.

но, представь, теперь –
у каждой женщины устрица твоего лица,
водяной знак на просвет синюшных губ,
огнестрельных глаз,
миллиарды твоих копий шуршат платьями
во всем мире –
от старух и до детей.
это – медузный бал привидений в твою честь
или – снегопад людей, и мы, полубоги, пошли за кофе,
и открываем рты, и ловим снег.

***

это только кажется, что так легко написать:
не жалею, не зову, не плачу.
вызволить из тьмы шахтеров невыразимого.
но сколько должно пройти тысячелетий эволюций,

борьбы и крови, поглощения себе подобных,
бесподобных, чтобы родилось на свет:
все пройдет, как с белых яблонь дым.
человечество, как плодоярка,
прогрызает кровавый тоннель в яблоке времени,
не покидает ощущение, что еще кто-то живет за мной,
волчонок ступает в следы лап матерого волка,
кто-то толкает тебя – камень перед собой,
или я иду, и кто-то живет впереди меня,
и это следы когтей дежавю, сколы времени,
послания во времени, царапины на металле.
и так слой за слоем, смерть за смертью
отшлифовывается бриллиант бытия.
и это не пищевые цепочки, нет, но подвесные мосты
качаются под нами, над нами, железные лианы,
скрипят, визжат и охают карусели
на перекрученных цепях,
и наши инкарнации переплелись, смотри,
можно дотронуться до плеча
девушки-ветра с беличьим лицом...

***

и тонкий листик скачет прямо,
невесомо,
хореографически красиво.
отталкиваясь конечностями от асфальта,
как боец кунг-фу на показательных выступлениях осени.
и я еду к тебе в Сибирь,
сквозь 3500 км,
купил торт и апельсины.
и валит первый снег,

и тотчас превращается в воду.
и сквозь железные швы в полу грохочущего трамвая
выдуваются пузыри,
точно кто-то дышит под нами.
задыхается рыба под грохотом колес.
легкое железного дровосека,
пробитое ломом.
или некто, утонувший во времени, сквозь
тростинку
разума дышит...
но нет.
это законы физики,
натяжения и ветра,
силы, скорости,
с которой я еду к тебе
и не могу точно понять,
кто я на самом деле? охотник с чехлом,
или гончая сука,
или хозяин.